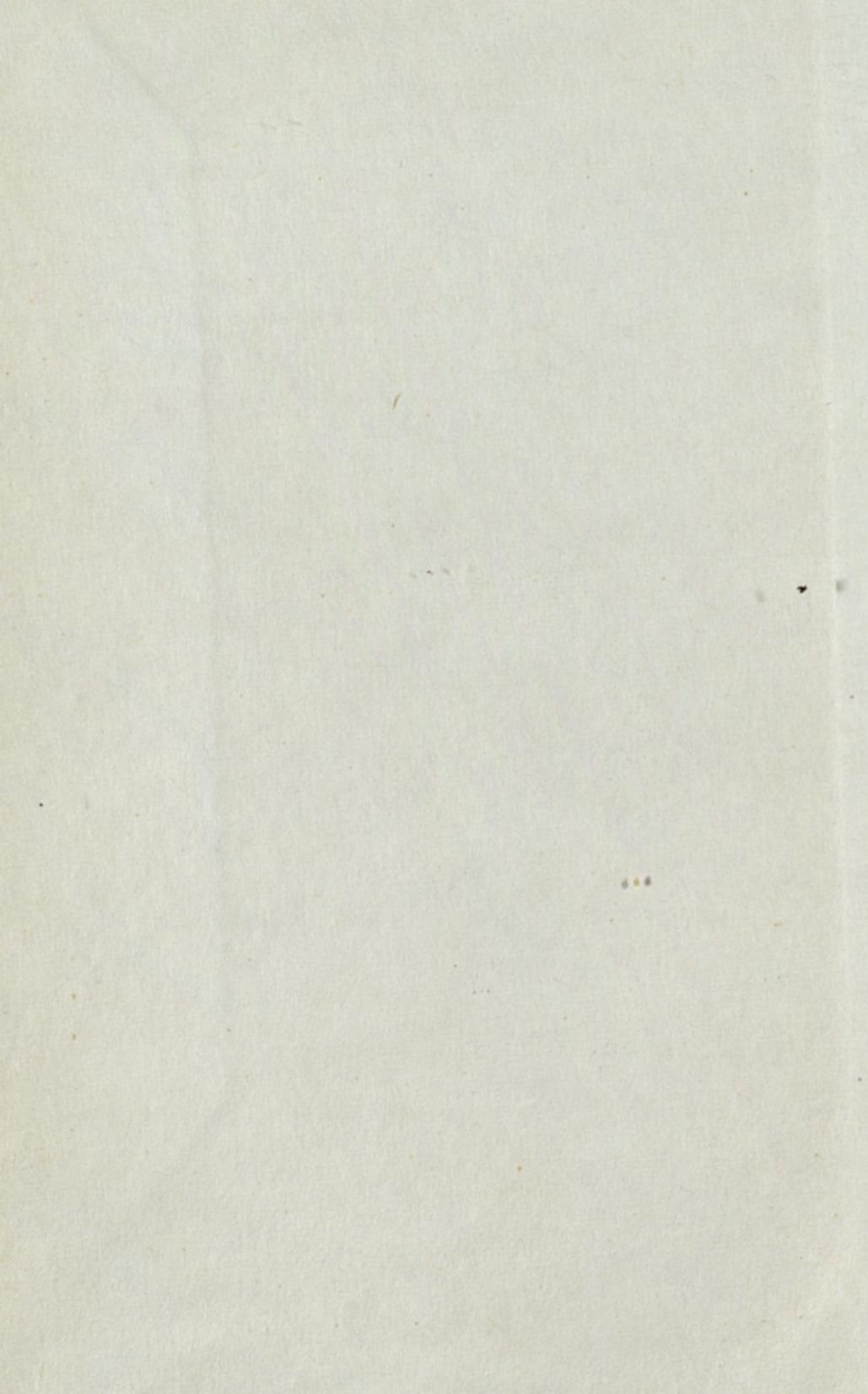

D

14

194

crh. bce 14/4-81.

Николай Армицевъ

СТУДЕНЧЕСКІЯ ПЪСНИ.

Сатира и юморъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Николай Архивцевъ

Студенческія пьески

Сатира и юморъ.

МОСКОВСКИЙ П
XIII-162
И РУМЯНЦОВСКИЙ М

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

2007054048

Тип. Т-ва „Нашъ Вѣкъ“.
□ □ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, □ □
Малая Подъяч., с. д. 12.

Николаю Георгіевичу
Шебуеву,
первому улыбнувшемуся,—
первыя пѣсни. —

Library of Congress

Library

UNIVERSITY MICROFILMS

SERIALS SECTION

UNIVERSITY MICROFILMS
SERIALS SECTION

UNIVERSITY MICROFILMS

ПРИВѢТЪ.

Привѣтъ вамъ, слетѣвшимся издалека
Въ столицу на крыльяхъ сорочьихъ
Изъ Омска, Якутска, Тетюшей, Торжка,
И прочихъ, и прочихъ, и прочихъ!

Привѣтъ вамъ, покинувшимъ отчій порогъ
Для жизни невѣдомо-новой!
Привѣтъ вамъ, жующимъ маститый битокъ
Въ «Студенческой польской столовой».

Привѣтъ вамъ, оставившимъ все позади,
Кипящимъ въ столичномъ вулканѣ
Съ миллиономъ надеждъ и желаній въ груди,
Съ послѣднимъ цѣлковымъ въ карманѣ!

Пусть дома остались бифштексы, блины
И прочія вкусныя штуки,
Но здѣсь—Alma-mater! Здѣсь—мозгъ всей страны!
Здѣсь—лучшія блюда Науки.

ФЕЛЬЕТНЫ.

ΦΕΠΕΤΟΗΠΙ

УСПОКОЕНІЕ.

Все есть у насъ! И—помѣщенье,
И надпись: «Университетъ»,
И профессура, и—влеченье,
Однихъ студентовъ только нѣтъ!

Давно—сердечные—порхаютъ
По всей Европѣ налегкѣ
И о Россіи вспоминаютъ
На—иностранномъ языкѣ...

И вотъ, засунувъ ручки въ брючки,
Благонадеженъ и душистъ,
Сталъ вылѣзать на свѣтъ, по штукѣ,
Академистъ! Академистъ!

Пришелъ онъ правой стороною,
Пришелъ, понюхалъ и—ушелъ:
Наука—нѣчто вѣдь иное,
Чѣмъ лаунъ-тенисъ и футболъ!..

И стало сразу такъ спокойно!
На факультетахъ—тишь да гладь...
Лишь педель гдѣ-то непристойно
Зѣвнетъ... да и—заснетъ опять!..

Для полноты успокоенья
Пройдетъ лѣтъ пять еще такихъ
И—заведутся привидѣнья
Въ тѣхъ аудиторіяхъ пустыхъ!

И каждой ночью—регулярно
Начнутъ водить тамъ хороводъ...
И даже Кассо циркулярно
Ихъ въ Харьковъ не переведеть!

«СЪЯТЕЛИ».

„На актѣ Московскаго университета проф. Тихомировъ произнесъ рѣчь на тему: „О чаѣ въ Китаѣ, на островѣ Цейлонѣ и въ Закавказьѣ“.

(Изъ газетъ).

Тамъ, гдѣ привѣтное слово сердечное
Тонетъ въ хрипящемъ барбосистомъ лаѣ,
Тамъ, гдѣ всей жизни блаженство конечное
Со-слѣпу—ищутъ въ одномъ караваѣ,
Тамъ, гдѣ все чуткое, все человѣчное
Заперто накрѣпко въ темномъ сараѣ,
— «Сѣйте—разумное, доброе, вѣчное!»
— Сѣйте о «чаѣ въ Китаѣ!»

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА.

(По поводу неожиданнаго закрытія лѣтнихъ курсовъ для сельскихъ учителей).

На мѣдные гроши
Отправившись учиться,
Они къ намъ изъ глуши
Пріѣхали въ столицу.

Пріѣхали—глядятъ:
— Однако! фунтъ съ осьмушкой!
Трамваи жарятъ въ рядъ,
Какъ гуси—другъ за дружкой!..

Повсюду, тамъ и тутъ,
Сверкаютъ магазины
И въ каждомъ продаютъ
«Издѣлья изъ резины»...

На сушѣ и водѣ
Нахальны и упрямы,
Куда ни плюнь—вездѣ
Саженныя рекламы!

Café à la Paris!..
Однихъ моторовъ сколько?!..
Нѣтъ, что ни говори,
Европа, да и только!

«Исакій» такъ красивъ!
На «Стрѣлкѣ»—бездна шика!..
А «Невскій перспективъ»?!..
Второй такой найди-ка?!..

Послѣдній мопсъ, и тотъ
Застыль, какъ на парадѣ!..
— Культура такъ и претъ:
И спереди и сзади!

Дома—всѣхъ величинъ:
Одинъ другого краше!..
— Позвольте, господинъ,
Но гдѣ-же «Курсы» наши?

— Что?!.. Какъ?!—Ихъ больше нѣтъ?!
Закрѣты?! Почему-же?!..
И сверху былъ отвѣтъ;
— Да просто—потому-же!

И Хроносъ, сквозь туманъ
Взглянувъ, прошамкалъ внятно:
— «Исторія мидянъ—
Темна и непонятна!»

ОКОЛО «МАРИИНКИ».

- Идетъ въ театрѣ репетиція,
У входа—робки, какъ птенцы,
Стоять дѣвицы блѣднолицыя
И длиннокудрые юнцы.
Стоять... и видно по глазамъ,
Что манить ихъ запретный храмъ...
И вдругъ,
Забывъ испугъ,—
Тихонько, этакъ, по дверямъ:
— Тукъ—тукъ!
— Кто тамъ?
— Ученики консерваторіи,
Впустите насъ!..
— Нѣтъ-съ, лицъ подобной категоріи,
Нельзя-съ!

* * *

Ушли, бѣдняги, по домамъ...
Минута, двѣ... Бумъ—бумъ!!!

— Эй, что за шумъ?

— Кто тамъ?

— Да, мы: свояченица Даши,
На чьей подругѣ, значить,—Машѣ
Жениться хочетъ съ февраля
Вашъ новый ламповщикъ—Наумъ,

— Кухарка я!

— И ейный кумъ!..

— Ахъ, очень радъ! Сюда, сюда..

— Вамъ, можетъ, ложу, господа?

DANSE MACABRE.

Только полночь пробьетъ,
Только Кассо начнетъ
Вызывать мертвецовъ циркуляромъ,
Какъ тотчасъ на просторъ
Изъ засыпанныхъ норъ
Лѣзуть страшныя тѣни, по парамъ...

Вопли, скрежетъ и стонъ:
Вылѣзаетъ Катонъ,
Геродотъ, Цицеронъ и Овидій
И еще—тамъ и тутъ
Изъ щелей такъ и прутъ
Всѣ — до-нельзя въ поношенномъ видѣ.

Ни волосъ, ни зубовъ,
Ни бровей, ни носовъ,
Кожа сморщилась вся желатиномъ,
И съ приходомъ гостей,
Все сильнѣй и сильнѣй
Пахнетъ плѣсенью и нафталиномъ!

— Стали гости мычать:
— Ничего не понять!
Языки ихъ распухли и свисли,
Въ головахъ хотъ — мозги,
Но въ мозгахъ-то — ни зги!
И, отъ времени, мысли — прокисли!

...Геродотъ, Цицеронъ,
Ливій, Курцій, Назонъ...
— Боже, сколько ихъ тутъ навалило?!
Лѣзутъ цѣлой толпой!
Ближе!.. Ближе!.. — Чуръ! Стой,
— Сгинь, разсыпья, нечистая сила!

ВОЛЬТЕРЪ ПО НАЗНАЧЕНІЮ.

„Считаю долгомъ предупредить, что если такое упорное непосѣщеніе продлится еще недѣлю, то я объявлю громаднѣйшій курсъ по моему предмету профессора Листа вмѣсто краткаго курса профессора Комаровскаго. На экзаменѣ буду безпощаденъ, и малѣйшее незнаніе курса повлечетъ за собою провалъ“.

(Изъ рѣчи „назначеннаго“ московскаго профес. Бойкова).

У профессора Бойкова
Брови сдвинуты сурово:
Хоть внушительны угрозы,
Но студенты, словно козы,
Прыгъ! И—не поймать!..
Не поможетъ и облава!..

* * *

Всякъ Бойковъ имѣетъ право,
Въ соотвѣтствіи съ уставомъ,
Лекціи читать!
Но... не надо этимъ правомъ
Злоупотреблять!

ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОСЪ.

Министръ просвѣщенья любезно даетъ
Вновь мнѣ фельетонную тему,—
Рѣшивши ввести, безъ хлопотъ и заботъ,
Опять «курсовую систему».

— Ну, что-же? Попытимся, значить, ъ опять
Подобно классическимъ ракамъ!
Намъ къ этому способу—не привыкать!
Что дѣлать? — Нашъ жребій—не лакомъ!

По международной культурной межѣ
Идемъ мы съ зулусами рядомъ,
Зане Alma mater давненько уже
Къ наукѣ поставлена задомъ!

На всѣхъ факультетахъ — священная тишь,
Лишь педель, спросонья, ругнется,
Услышавъ, что гдѣ-то какая-то мышъ
Внѣ правилъ послѣднихъ — скребется?

Да изрѣдка, вдругъ, забѣжитъ—покурить
Студентъ, отъ тоски изнывая...
И—тихо, и—пусто!..—позвольте спросить:
— А... это... система какая?

Система текущихъ, послѣднихъ двухъ лѣтъ,
Привитая нынѣшней школѣ?!—
— «Предметная»? — Нѣтъ! — «Курсовая»? —
О, нѣтъ!
— Какая-жъ?—«Разгонная», что ли?

ПРОЭКТЪ.

Лекціи „назначенныхъ профессоровъ“ по прежнему проходятъ передъ пустой аудиторіей.

(Изъ газетъ).

Хотя горчичное зерно
Никакъ не можетъ по рожденью
Дать ананаса... все равно —
«Профессора по назначенью»
Играють въ лекціи давно!
Во избѣжанье инцидентовъ
Нельзя ли экстренно для нихъ
«Назначить» собственныхъ студентовъ
Изъ отставныхъ городовыхъ?!

«ШАШЛЫКЪ НА ВЕРТЕЛЪ».

Безъ платья и бѣлья
Лежитъ наука кротко,
Не видно у нея
Ни глазъ, ни подбородка.

— Одинъ сплошной синякъ!
— Откуда?— вотъ вопросъ-то?
— «Синякъ?— Да просто,— такъ!
И даже— очень просто!

— Подбили, значить. Да-съ,
Кому, а ей— нѣтъ спуску!
Наука вѣдь у насъ
Такъ... «блюдо на закуску»...

Покойся-жъ на столѣ,
Съ филе телячьимъ въ парѣ,
Шашлыкъ на вертелѣ,
То, бишь,— на циркулярѣ!

«СЪРЕНЬКІЙ КОЗЛИКЪ».

Время прекрасное
Нѣкогда было,
Время то красное,
Было, да сплыло.

Высохъ существенно
Прежній фарватеръ,
На мель—торжественно
Бухъ Alma mater!

Въ уединеніи
Спятъ факультеты!..
О, просвѣщеніе,
Гдѣ же ты, гдѣ ты?!

Быль преконфузная
Съ нимъ приключилась,
Сказочка грустная
Вновь повторилась:

— «Жиль-быль у бабушки
Сѣренькій козликъ,
Фить какъ, да вотъ какъ
Сѣренькій козликъ»...

ЮМОРЕСКИ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

ИЗДАНИЕ
ТОМОПЕЧНОЕ

ИЗДАНИЕ
ТОМОПЕЧНОЕ

ИЗДАНИЕ
ТОМОПЕЧНОЕ

ИЗДАНИЕ
ТОМОПЕЧНОЕ

ВЕЧЕРИНКА.

У «раевки» Зины
Сегодня веселье:
Не то именины,
Не то новоселье,
Но суть-то не въ этомъ,
А въ томъ, что при этомъ
Сегодня у Зины
Есть фунтъ «солонины»,
Полфунта «грудинки»,
Бутылка «рябины»,
Маслины, сардинки
И сверхъ-аппетитный
Филипповскій «ситный»...

Отъ этакой снѣди,—въ восторгѣ и нѣгѣ,
Расплылись блаженно colleg'и...
Сенька — урчитъ,
Лешка — пыхтитъ,
Эти — поютъ,
Эти — вздыхаютъ,
Всѣ-же вмѣстѣ — жуютъ
И — глотають!..

Ћли такъ, ѳли и — безъ канители
Все съѳли!..

Задумались... Тихо... Въ молчаньи суровомъ
Collega Ивановъ съ colleg'ой Петровымъ,
Устроивши складчину, жестомъ красивымъ
Послали за пивомъ!..

— Приѳхало пиво...
— Ребята, evviva!
— Эй, лей, веселѳй,
Пей!..

— Полно вамъ, товарищъ-Нюра,
Что вы смотрите такъ хмуро?!
Вы—не пьете, мы-же—пьемъ!..
Ну-ка, братцы, дерганемъ:
— «Изъ страны, стр-а-а-ны далекой,
Съ Волги матушки ш-и-и-рокой»...
Громко этакъ, и свѳжо...

Хорошо!

МАЙ.

Май веселый пришелъ,
Звонко пѣсню завелъ
И, тотчасъ, вслѣдъ за этою пѣсней,
Распустилась листва,
Появилась трава,
Стали дамы — вдвойнѣ интереснѣй!

Въ паровозныхъ свисткахъ
И въ трамвайныхъ звонкахъ,
Даже въ рявканьи автомобилей
Слышенъ томный разсказъ:
— «Объ огнѣ чьихъ-то глазъ,
«О печали какихъ-то тамъ лилій»...

Тамъ и тутъ, тутъ и тамъ
Баррикады изъ дамъ!
Не пройти мимо нихъ невредимымъ!
Взглядъ... улыбка... Но — вотъ,
Баста! Дальше! Впередъ!
Сердце женщины вьется налимомъ!..

Май, Весна, благодать!
— Какъ-же тутъ не вздыхать,
Если дни такъ безбожно-лучисты?!..
И вздыхаютъ «эс-дэ»,
И вздыхаютъ «ка-дэ»,
И поютъ о любви октябристы!

КАССИРША РИТА.

Въ булочной Негг Шмита
Есть кассирша Рита,
У кассирши Риты
Щечки, что — бисквиты!

Въ предвкушеньяхъ нѣги
Бѣсятъ colleg'и
И слагають вирши,
Вирши въ честь кассирши!

Но кассирша Рита
Тверже сталактита:
Въ общемъ—склонна къ шуткѣ,
Въ частности-же—дудки!..

И colleg'и съ края
Вертятся, вздыхая...
— «Ситный» покупають
И—опять—вздыхають!

«СНИМАЮТЪ КОМНАТУ».

Вверхъ и внизъ по этажамъ,
Въ неустанномъ бѣгѣ,
Знай, несутся тамъ и самъ
Парные colleg'и...

— «Здѣсь сдается?..» — «Какъ-же-съ, — вотъ».
Тишь. Благоуханье.
Ванна. Свѣтъ. Парадный ходъ.
— «Сколько?.. — До свиданья!..»

... Тамъ, гдѣ комната годна,
Тамъ хозяйка — рожя;
Гдѣ хозяйка — недурна, —
Комната — не гожа!

... Выше, выше, хоть умри!
Жарко, словно въ Ялтѣ!..
— Стопъ, вотъ № 43.
— «Комнату? — Пожалте!»

— Три аршина въ ширину,
Столько и въ длину-же...
И цѣна — 12...— «Ну,
Снимемъ, что-ли, друже?

Вѣдь — не вредное купэ!...»
Другъ въ рѣшеньяхъ — кратокъ
И, прельстившись «канапэ»,
Молвить свысока такъ:
— «Вотъ вамъ рубль — въ задатокъ!...»

ТРАМВАЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ этомъ гулко́мъ вагонѣ трамвая,
Въ этой мутной безсолнечной мглѣ
Были вы, какъ видѣніе рая
Позабывшей о раѣ землѣ!

Все, что пѣло въ душѣ безсловесно,
Все, что пѣло годами въ мечтахъ,
Воплотилось такъ странно-чудесно,
Такъ ликующе въ вашихъ чертахъ!

...Заплелись въ хороводъ наши взоры...
И прочелъ я безмолвный отвѣтъ!
— Словно въ сердце, сквозь черныя шторы,
Брызнулъ буйный слѣпительный свѣтъ!

...Но судьба насъ, рукою суровой,
Разбросала съ усмѣшкой хмельной!..
— Ахъ, у васъ былъ билетъ—до Садовой,
У меня-же, увы,—до Сѣнной!!!

У «ДОМИНИКА».

Въ бильярдной: «мазы», крики, стуки
Декорумъ каждой «контровой»...
Студенты всѣхъ родовъ науки
Слѣдятъ волнуясь за игрой...

Шары—по «точному заказу»
Суются лихо въ «губки» лузъ.
—Щелкъ!Щелкъ!.. И всякъ, «держашій мазу»,
Скрѣпленъ съ шарами сотней узъ...

У Бочкарева— «недобора»
Всего «очко» лишъ! И уже
Въ ударахъ сбитаго партнера
Уже замѣтно «дреманже»...

— «Шаръ на игрѣ!»— «Сыграй, изволь-ка»...
Совѣты... шумъ... ехидный ревъ!..
Невозмутимъ лишъ только—Колька,
Лишь только Колька Бочкаревъ!..

На удивленье всѣмъ «пижонамъ»
Не «дреманжить» его рука
И «партионнаго» со звономъ
«Бросаетъ въ уголь», какъ щенка!

Съ партнеромъ — приступы кондрашки,
Вокругъ бильярда—рай и адъ!..
И «свой», на дьявольской оттяжкѣ,
Ползеть торжественно назадъ!..

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СТОЛОВКѢ.

На катарръ давно патентъ
Взялъ студентъ со злобы!
— Ну-ка, гдѣ такой студентъ,
Безъ катарра чтобы?!

Каша гречневая—3,
Пол-битка—13,
Хлѣбъ-же даромъ! Знай—бери!
Итого—16.

Если-жъ вздумаешь когда
Тихо лопнуть съ жиру,
То возьми еще тогда
На пятакъ—гарниру!

Ну, а если твой бюджетъ
Съ горя, деликатно,
Объявилъ нейтралитетъ,
Помни: хлѣбъ—бесплатно!

Для студента—голяка
Много-ли потребно?
— Каша съ хлѣбомъ, пол-битка
И—великолѣпно!

ПРЕДРАЗСВѢТНО-ПЬЯНОЕ.

Извозчикъ, на Невскій,—полтинникъ!
Хочу посмотрѣть «высшій свѣтъ»!
Сегодня, я, братъ,—именинникъ!
А, впрочемъ, быть можетъ, и—нѣтъ!

Не помню, навѣрное, что-то,
Чертовски разсѣянъ! Пойми:
Юристъ я! Что, чувствуешь?! То-то!
Вези веселѣй, чортъ возьми!

Живѣе, живѣе, галопомъ!
Карьеромъ, чтобъ все—ходуномъ!
Утремъ-ка носы всѣмъ Европамъ
И всѣ ихъ рекорды побьемъ!

Не хочешь?! Плевать! И не надо!
И къ чорту! Поѣдемъ и такъ!..
Мнѣ... надо, сейчасъ—лимонада,
Жжетъ, то-есть!!! Такъ жжетъ, что—никакъ!!!

Эхъ, милый, въ груди этой—мука!
Душа, понимаешь, пьяна!..
— Жизнь, юноша,—гнусная штука,
Зловредная дама она!

Любому испортить прическу,
Любому пропишетъ мораль!..
— Ты куришь?—Бери папироску,
Бери всю коробку! Не жаль!

Да, ну—пошевеливай клячу!
Вѣдь насъ—обогнали опять!..
Извозчикъ, ты видишь—я плачу!
Я... плачу, а... имъ—наплевать!

Э-эхъ, кто пойметъ эту муку?!!
Пойти—разсказать! Да—кому-жъ?
— Извозчикъ, товарищъ, дай руку!
— Жизнь, братецъ,—ужасная чушь!

ТАКЪ, ВООБЩЕ.

Три юриста-коммуниста
Разсуждаютъ голосисто:
— «О тщетѣ всего земного»,
«О беспомощности слова»,
И орутъ тѣ три юриста,
Словно ихъ не три, а триста!

ТАТАРСКАЯ МЕЛОДИЯ.

— Я слезъ хочу, «пѣвецъ», огня,
Кругомъ лишь мракъ одинъ!
Пойми, пѣвецъ, вѣдь у меня
Весь вышелъ керосинъ!

«Въ слезахъ душа моя, въ слезахъ»,
Мой вѣрный щитъ—разбитъ!
Въ карманѣ—крахъ, въ желудкѣ—«ахъ»!
И—кончился кредитъ!

Занять еще?!.. Но гдѣ... и какъ?!
— Швейцаръ, что—Гибралтаръ,
Хозяйка—въ юбкѣ гайдамакъ!..
— Кошмаръ! Кошмаръ! Кошмаръ!

Какъ шаръ бильярдный бьюсь я тутъ
То—въ тотъ, то—въ этотъ бортъ!..
Ахъ, Парки жизнь мою плетутъ
Изъ нитокъ—«третій сортъ»!..

...Звонокъ?!.. (Вдругъ, входитъ нѣкій гость,
Садится безъ затѣй,
И молвить, этакъ, ставя трость:
— «Пьерпонъ Морганъ, гудъ дэй!»)

— Нѣтъ, не ко мнѣ! Заткнись, фонтанъ,
Вали на квинту носъ!
О, если-бъ тотъ Пьерпонъ Морганъ
Принесъ хоть—папиросъ!..

...А гдѣ-то вѣчный, юный май!
Лазурь! Цвѣты! Покой!
А гдѣ-то тамъ—сейчасъ пьютъ чай
И—такъ, и—съ колбасой!..

— Пѣвецъ, когда-же въ глубь сердець
Ударить твой набатъ?!
— Приди, спасительный пѣвецъ,
И спой:—«Хал-а-тъ! Хал-а-тъ!»

! ЭКЗАМЕНАЦІОННОЕ.

Студентъ Краснобаевъ уткнулся въ тетрадь
7-го онъ химію долженъ сдавать...

И сыплятся формулы: «Аш...» «це-о-2...»
— Набита съ краями давно голова...

А тутъ это солнце еще какъ на зло!..
Эхъ, если-бъ не завтра—7-ое число...

...Упрямятся формулы!..—Выведи ихъ,
Когда манятъ дали небесъ голубыхъ,

Когда въ окна плещутъ потоки лучей
И кружатся стайки залетныхъ грачей...

Когда хмель весенній звенить въ голосахъ
И сердце тоскуетъ о чьихъ-то глазахъ...

Студентъ Краснобаевъ вдругъ началъ вздыхать,
Студентъ Краснобаевъ—захлопнулъ тетрадь...

Студентъ Краснобаевъ Веснѣ дань отдастъ,
Студентъ Краснобаевъ—зачета не сдастъ!

Handwritten signature or mark in blue ink, possibly reading "Мас" or similar.

ЗАВѢТЬ. 1

Будь высокимъ,
Краснощекимъ,
Крѣпкогрудымъ, зоркоокимъ,
Какъ твой предокъ—звѣроловъ!
Къ чорту—хилыхъ
И унылыхъ!
Въ яму дряблыхъ слизняковъ!

Пусть скопцы брюзжать сурово:
— «О тщетѣ всего земного»,
И клянутся сѣдиной,
Что «въ могилѣ лишь одной
Намъ дано отдохновенье»,
Что, молъ, «жизнь—одно лишенье,
Искушенье, слезы, мука,
Позолоченный хомутъ!!!»
— Эка штука?
— Врутъ!

Посмотри: на небѣ—солнце,
На землѣ—дѣвичій смѣхъ!

Свѣтитъ смѣхъ! Смѣется солнце!

— Эхъ,

Въ хороводы! Въ хороводы!

Гей, веселая орда!

Грусть на крюкъ! Въ карманъ невзгоды!

Въ хороводы! Въ хороводы!

Гей, сюда!

Пусть вонъ тотъ юнецъ съ пробормомъ

До седьмого позвонка

Смотритъ кислымъ резонеромъ...

— Въ рѣчку дохлаго щенка!

Пусть вонъ та сѣдая дама,

Современница Адама,—

Намъ грозитъ дрожащимъ пальцемъ

И, возвавъ ко всѣмъ страдальцамъ,

Выражая гнѣвъ и грусть,

Норовитъ въ слезахъ истечь!

— Ну и—пусть!

— Пренебречь!

— Эй, не кисни!

Въ этой жизни—

Смѣхъ—надежнѣйшій вожатый!!

Смѣхъ съ дороги не собьется!..

— Пусть весь міръ дрожить и бьется,

Словно кошкинъ хвостъ, прижатый

Ненарокомъ межъ дверьми!

Прочь унылыхъ! въ яму хилыхъ!
Будь — здоровымъ! Будь веселымъ!
Будь Лукулломъ полуголымъ!
Будь—кентавромъ, чортъ возьми!...

...Жизнь—единственное чудо!
Какъ философъ ни злословь,—
Есть на свѣтѣ вѣдь покуда:
Солнце, Гейне и Любовь!

ВЪ МАРИНКѢ.

Три курсистки сибирячки,
Пять юристовъ, двѣ землячки
И землякъ изъ Кобелякъ,
Двѣ сестры-консерваторки
И блистательный «горнякъ»,
Взгромоздившись на скамьи,
Выражаютъ изъ галерки
Чувства бурныя свои:
— «Тар-т-а-к-о-о-въ!!!
— «Bis! Смирн-о-о-въ!!!
— «Кузнец-о-о-в-а!!! (Колька, Сенька,
Поднатужтесь-ка маленько!
Ну-ка, снова!)—
— «К-у-у-з-н-е-ц-о-о-о-в-а!!!»

Отдохнуть, да и—опять!

— Благодать!

ПЬЯНАЯ.

Пей до дна! Не хнычь! Довольно!
Горе — анти-алкогольно!
Только къ трезвымъ льнеть,
Пьяныхъ—пальцемъ-же не тронеть!
Горе въ первой рюмкѣ тонетъ,
Какъ турецкій флотъ!

Пей до дна! Безъ счета! — Ну-ка!
Жизнь — препакостная штука!
Трезвымъ—страшно жить!
Въ этой жизни—всѣ мы, вмѣстѣ,
Вродѣ, какъ-бы... мухи въ тѣстѣ!
— Какъ же тутъ не пить?!..

Пейте! Рюмокъ не считайте!
Пейте—залпомъ лишь! И—знайте:
— «Истина—въ винѣ!»
Если-жъ нѣтъ вина, то—въ водкѣ:
Въ бочкѣ, въ четверти, иль въ соткѣ,
Но—на самомъ днѣ!

Поумнѣй насъ люди были,
Да и тѣ вѣдь проходили
Этотъ пьяный стажъ...

— Пусть-же пѣнутся бокалы!

Пусть—въ мозгу звенять кимвалы!

Пусть—хоть часъ, да--нашъ!..

Если-жъ Смерть къ намъ постучится,
Вспомнимъ, что она -- дѣвица!

Дама, какъ ни какъ!

И предложимъ ей учтиво—

Выпить вмѣстѣ съ нами пива

И сплясать гопадъ!

СИНІЕ ГЛАЗКИ.

У технолога Рузанова
Брюки выглажены заново,
Чаемъ вычищенъ сюртукъ
И—не хлябаетъ каблукъ.

Штрипки-нитками привязаны!
И чернилами замазаны
(И за совѣсть, и за страхъ)
Три дыры на сапогахъ!

Вотъ, что сдѣлали —злодѣйкины
Глазки синенькіе-швейкины!
Ахъ, влюбленъ онъ въ тѣ глаза
И—въ глаза и—за глаза!

А живутъ тѣ глазки синіе
На 14-ой линіи,
Въ домѣ 78-омъ
И гуляютъ—съ... «горнякомъ!»

ЗАТО...

Нѣтъ у меня и ни домовъ
И ни усадебъ, ни луговъ,
Ни бабушки съ чулкомъ...
И мой сюртукъ, отъ передрягъ,
Какъ ни верти: и такъ, и сякъ
Однѣ лишь дыры въ немъ!

И, чтобъ найти въ немъ рукава,
Необходимъ, безъ хвостовства,
Особенный талантъ.
Зане и тамъ и тутъ—дыра,
А рукавовъ всѣхъ—полтора!
Ну, что-же, я—не франтъ!

Живу по близости къ лунѣ
На недоступной вышинѣ,
Повыше пирамидъ!
Изъ неумытаго окна
Мнѣ даже Англія видна,
Такой прелестный видъ!..

...Нѣтъ у меня и ни домовъ,
И ни усадебъ, ни луговъ,
И—проще коль сказать,
— Нѣтъ ни черта!.. Но у меня
Зато—есть.. милая моя,
Какой вамъ не видать!

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

Вы сдавали «Догму права»,
Получали вы «весьма»?
Вы зубрили въ тактъ, гнусаво,
Велемудрые тома?

Вы коптѣли—по недѣлѣ,
Завывая, какъ шакаль?!..
— Вы-то, можетъ, и коптѣли,
Ну, а я, вотъ,—взялъ и—сдалъ!

Вдохновенно сдалъ! Съ порывомъ!
И теперь въ душѣ—свѣтло:
Свѣтлымъ сномъ и «свѣтлымъ пивомъ»
Все, какъ есть, заволокло!

Не смотрите-жъ такъ лукаво:
Пусть на брюкахъ—бахрома!
Вы... сдавали «Догму Права»?
Получали вы «весьма»?!

ДОМОЙ НА ПРАЗДНИКИ!

Студентъ Воскобойниковъ
Хмуръ, какъ ворона
Студентъ Воскобойниковъ
Ждетъ почтальона...
— Придетъ...или—нѣтъ?!

Если—«нѣтъ»— то прощай, опостылѣвшій свѣтъ,
Если-жъ—«да»,—
То — когда?

— Не идетъ!.. Вотъ вѣдь—свинство, ей-Богу!..
Вѣдь, должно-быть,—десятый ужъ часъ!..
Не пришлютъ, значить, мнѣ «на дорогу»,
Н-да-съ!

— Ну, конечно... Зачѣмъ я имъ нуженъ?!
Ну, зачѣмъ имъ, по совѣсти,—я?..
...Вотъ, теперь, тамъ садятся за ужинъ
И ругаютъ, навѣрно, меня!..

— Пусть не сдалъ я ни «Догмы», ни «Права»...
Ну, такъ что-жъ?! Разъ—не сдалъ,—значить,
—сдамъ!..

Вообще, что я—маленькій, право?!
— Знаю самъ!..

Мысли—мрачны и липки, какъ мухи въ меду,
И черны, словно негры въ аду!..

Но задумался Рокъ,
Но—раздался звонокъ
И, мечтой осѣненъ,
Стукнулъ въ дверь почтальонъ!..

— Бр-а-а-тцы, д-в-а-д-ц-а-т-ь рублей!!!

— Эй, —

Тоску—на задвижку,
Подушку подмышку,
Въ карманъ—бутербродъ
И, съ кипюю денегъ,
Черезъ восемь ступенекъ
Вприпрыжку
Впередъ!..

Извозчикъ, Варшавскій вокзалъ!
Гони, чтобъ самъ чертъ не догналъ,
Во всѣ лошадиныя ноги!!!

— Счастливой дороги!

ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

Сердце трепещеть, какъ дикая лань,
Хочется очень усиленной ласки!..
Ахъ, отъ отсутствія Надеи и Тань
Липнетъ на сердце какая-то дрянь:
Такъ... что-то вродѣ—оконной замазки!

Взоръ застилаетъ истомная муть,
Мысли по вѣсу—равняются олову...
Нѣтъ-съ! Не могу! Прочь тоска! Будь не будь:
— „*Экстренно треб. инт. свободная грудь;
Чтобы преклонить инт. усталую голову*“.

ВЪ ОКНАХЪ НАПРОТИВЪ. /

Если весь бюджетъ истраченъ,
Сидя дома,— не скучайте:
— Изъ сосѣднихъ оконъ, знайте,
Видно много всякихъ всячинъ
Вплоть до дамскихъ декольтэ!
Словомъ, свой «Журналъ Патэ»!

Вонъ, въ окошкѣ томъ—дѣвица
Доочаковскихъ временъ!
Красотою не гордится,
Цѣломудрія-жъ — вагонъ!

Тутъ окно веселой Доры.
Ей сосѣдка—не указъ!
И застѣнчивыя шторы
Въ день спускаются не разъ!

Дальше тамъ: не дама—Этна!
И—активная при томъ...
Только... Этна—та, замѣтно,
Тухнетъ, тухнетъ съ каждымъ днемъ!

Поправѣй—курсистка Зина
Ежедневно глушить мухъ,
Оскорбляя піанино,
Отъ 12-ти до—2-хъ!

Рядомъ—парочка блондинокъ,
Очень мило, по часамъ,
Щеголяетъ безъ ботинокъ
На манеръ библейскихъ дамъ!

Есть еще окошко, гдѣ-то...
Тамъ—Психеи дубликаты!..
Только:—«гдѣ окошко это?»
— Это... Это...—Виноваты!

КОММУНА.

Сенька, Мишка, Гошка,
Колька и Алешка
Разсуждали вкупѣ
О домашнемъ супѣ,
О дороговизнѣ
Петербургской жизни,
О тоскѣ съ катарромъ,
Розахъ ихъ фортуны,
И, увлекшись съ жаромъ
Благами коммуны,
Порѣшили такъ:
— Я—пятакъ, ты—пятакъ,
Тотъ—пятакъ, другой—пятакъ,
Глядь и—четвертакъ!

На копейку—соли.
На пятакъ—фасоли,
Зелени двѣ ложки,
Фунта три картошки,
Четверть фунта крупъ
Вотъ тебѣ и супъ!

Сенька, Мишка, Гошка,
Колька и Алешка,
Дружно, безъ заминки,
Около бензинки
Вертятся, вздыхаютъ,
Чмокаютъ, галдятъ...
И, усѣвшись въ рядъ,
Сразу замираютъ...

Тссъ! Они—они ѣдятъ!

НА СТУДЕНЧЕСКОЙ ВЕЧЕРИНКѢ.

Громко возглашается
Вальсъ офіціально,
Но онъ исполняется
Индивидуально!

Вальсъ—по вдохновенію!..
И полны укора
Зовы къ единенію,
Зовы дирижера!..

Съ правилами узкими
Не въ ладу подметки!..
И несутся съ блузками
Вскачь косоворотки!..

Кончивъ вальса дикій туръ,
Таютъ, какъ во рту мусъ!..
«Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus».

«ХАЛАТЬ! ХАЛАТЬ!»

— Скажи, потомокъ Чингисхана,
Такъ околпаченный судьбой,
Ужель ты можешь неустанно
Нести тяжелый жребій свой?!

Твой предокъ былъ большой задира
И былъ ему большой почетъ!
Зане—нагайкой онъ полміра
Вогналъ тогда въ цыганскій потъ!

Какъ драгоценнѣйшую ношу,
Его таскали на рукахъ!..
Скажи: за что-же, вдругъ, въ галошу
Васъ посадилъ теперь Аллахъ?!

— Аллаха воли мы не знаемъ!
— Никто его не знаетъ думъ!
— Мы стары брюка покупаемъ,
— Халать! Халать! Шурумъ-бурумъ!

ЖЕНЩИНЫ! ЖЕНЩИНЫ!

Сколько женщинъ интересныхъ,
Всякихъ: честныхъ и нечестныхъ,
Томныхъ, скромныхъ
И—скромныхъ,
Черноокихъ, совоокихъ,
И «карманныхъ» и высокихъ,
Русскихъ, нѣмокъ, полекъ, финокъ,
 Рыжеватыхъ и блондинокъ
 И брюнетокъ и шатенокъ,
 И Марусекъ и Мими,
 И модистокъ и мондэнокъ,
 И—demi!

Дамы—слѣва! Дамы—справа!
Дамы—туть! И дамы—тамъ!
Дамы! Дамы!.. Боже правый,
Цѣлый транспортъ всякихъ дамъ!!!

Эти жаждутъ бури съ громомъ!
Эти, просто,—чаю съ ромомъ!
Тѣ—любви, тѣ—дивидентовъ,
Всѣ-же вмѣстѣ—инцидентовъ!

И разлившись далеко,
Граціозно и легко
Мчится пляшущій потокъ
И—коке и—коко
токъ!.

И плывутъ, полны веселья,
«Безпатентныя издѣлья
Изъ Адамова ребра»
Кати, Мани, Вѣры, Любы!
И у каждой есть вѣдь—губы,
Губы... ну et cetera!

Если вкусъ «губной помады»
Для тебя—предѣлъ услады,
То, когда не хочешь глупо
Уподобиться мочалѣ,
Закажи себѣ у Круппа
Изъ отборной, лучшей стали
На особый образецъ
Хоть полдюжины сердець!..

— Право, будешь радъ душевно!..
Только помни объ одномъ:
Лишь мѣняй ихъ ежедневно,
Заодно съ воротничкомъ!

СОВѢТЪ.

Другъ, не лѣзь усердно въ папы:

Не заглядывай подъ шляпы

И на Катей, Нюръ и Дунь

Дунь и плюнь,

Вѣдь

Всѣхъ не осмотрѣть!

Ахъ, чортъ возьми, какая благодать!
Весна! Всего 5 буквъ! А слово-то какое?!
Въ немъ — солнце, плескъ ручья, зеленый шумъ
лѣсовъ,
Дѣвичій поцѣлуй, цвѣты и все такое,
Чего — не перечестъ, чему — нѣтъ должныхъ
словъ...

И хочется весь день до одури кричать:
— Ахъ, чортъ возьми, какая благодать!

Сегодня и вчера — всѣ женщины прекрасны
И каждая изъ нихъ — что Клео-де-Меродъ,
Въ глазахъ — весенній хмель... И вовсе не
напрасно —
Спросить у ней о томъ: Гдѣ все-жъ она живетъ?
Чтобъ вмѣстѣ каждый мигъ блаженно повторять:
— Ахъ, чортъ возьми, какая благодать!

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Справа—дружный топоть,
Слѣва—страстный шопоть,
Тамъ—курсистка Лена
Мучаетъ Шопена,
Туть—изъ горла Оли
Просятъ «бемоли»,
Здѣсь—двѣ дикихъ дамы
Вмѣстѣ тянуть гаммы...

То мальчишкѣ—Гришкѣ—
Всыпятъ за дѣлишки,
То онъ сладострастно
Гаммамъ подпѣваетъ,
То ему ужасно
Кошкинъ хвостъ мѣшаетъ...

Г

...Ноеть балалайка,
Тренькаетъ хозяйка...
Ну, а рядомъ, съ чувствомъ,
Боленъ весь искусствомъ,—
Братъ телеграфиста
Съ помощью лишь свиста,
Какъ на откупѣ,
Жарить «ки-ка-пу»...

ШВЕЙКА. >

Вокругъ нея лишь слезы:
Чужія и свои,
А въ ней—звенятъ стрекозы
И свищутъ соловьи...

Такъ создана ужъ швейка:
Отъ горя и заботъ
Всю жизнь, что канарейка
Поетъ, да и—поетъ!..

Вонъ, вонъ—она несется!
А, ну-ка, тронь! — П-о-с-м-ѣ й?!
— Сейчасъ-же... улыбнется,
Безъ всякихъ тамъ затѣй!...

...Исколотыя руки
Страшатъ лишь дураковъ,
Для рыцаря-жъ науки
— Нѣжнѣ лепестковъ!...

Но... кончивъ курсъ,—ускачетъ,
Ускачетъ рыцарь тотъ!..
— Ну, что-жь? Она поплачетъ
И снова запоетъ:

— «Мой миленькій гордится...
«И гдѣ-жь слова твои?...»

.
Забытая страница
Студенческой любви!..

ЧАЙНАЯ КОЛБАСА.

Пускай прилизанный пѣвецъ
Бубнить въ своемъ стихѣ
О кучой страсти двухъ сердецъ
И прочей требухѣ!
Но «qualis гех»—суть—«talis грех»!
Звените-жь, голоса!
Пою тебя о, колбаса,—
Студенческій бифштексъ!

Съ богами въ близкомъ ты родствѣ,
О, фея чердака!
Фунтъ—двадцать шесть и—двадцать двѣ,
Фунтъ—въ ротъ, и жизнь—легка!
—Colleg'и, кто ея не ѣлъ?
И впредь не будетъ ѣсть:
Фунтъ—въ двадцать двѣ и въ двадцать шесть
И въ тридцать, какъ предѣлъ!..

Дипломъ—тяжелъ! Безъ лишнихъ словъ,
Коль бросить на вѣсы,
15 minimum пудовъ
Погибшей колбасы!..
О, фея—равная богамъ,
Спасай-же насъ, спасай!
И впредь дипломы раздавай,
Съ катарромъ пополамъ!

МОЛОДОЕ.

На 23-й линіи
Въ мансардѣ я сижу...
— Темно... Безкеросиніе!..
Сижу, гляжу, тужу!..

— «Э-эхъ, ну—положеніе!
Ну, жизнь!!! Эхъ, Сатана,
Ну, сдѣлай одолженіе:
— Купи, братъ, душу! А?

— Продамъ за полмилльона я!»...
— Изъ мрака на меня
Глядятъ-горятъ зеленые
Два глаза—два огня!

— «Кисс! Кисс! Эй, тварь нечистая,
Входи-же безъ помѣхъ!»...
— Идетъ... И шерсть пушистая
Черна, какъ смертный грѣхъ!

Подходить и, мурлыкая,
Колдуетъ въ тишинѣ:
— Что жизнь, молъ,—травля дикая,
Что счастье—лишь во снѣ!..

Что, молъ, сосѣдка Леночка
Прекрасна такъ и сякъ,
Что Леночка—шатеночка,
А ты-то, молъ,—дуракъ!

ТРАГЕДІЯ. ▶

Хозяйка квартирная,
Разбухшая, жирная
Эмма Иванна,
Утречкомъ рано
Крадется, словно паукъ
Сонную муху ловить...
Въ двери: тукъ-тукъ!
— «Можно войтить?»

— Какъ бы не такъ-то?!—Студентъ Францессонъ
Всѣмъ существомъ симулируетъ сонъ!

...Съ горечью шлепають туфли обратно...
Но черезъ полчаса, вновь, аккуратно,
Слышенъ ихъ скрипъ... О, Медуза-Горгона!..
Ближе... все ближе... подходитъ къ дверямъ...

— «Эмма Иванна, я жду почтальона!
— «Эмма Иванна, я... завтра отдамъ»..

— Громъ плюсь двѣ молніи!!! — Ой!!!
...Долго еще за сосѣдней стѣной
Слышится ѣдкій припѣвъ патентованный:
— «Эхъ, а еще вѣдь—сту-дентъ, обра-зован-ный?!!

«СНѢГЪ НА ГОЛОВУ».

Звякни, стихъ, подобно олову!
Заори, какъ печенѣгъ!
— На студенческую голову
Выпалъ снѣгъ!

У Сеньки—юриста
Пальто неказисто,
Но-все-же, зато,
Пальто!
Во-первыхъ: есть два
Рукава,
Во-вторыхъ:
Пара кантовъ на нихъ,
Въ третьихъ: даже самъ «князь»,
Имъ весьма восхитясь,
Позапрошлой зимой,
Не владѣя собой,
За пальто это... вмѣстѣ съ корзиной
Предлагалъ—два съ пол-ти-ной!!!

...Петли... хлястикъ... все есть на мѣстахъ,
— Какъ въ лучшихъ домахъ!

Филологъ Колька Перевалинъ

Въ одеждѣ — индивидуаленъ!

На немъ —

Помѣсь дамской мантильи съ испанскимъ плащемъ!

Одѣяніе это

Наслѣдье поэта:

Все въ пятнахъ, какъ солнечный дискъ оно!

Но Колька, увлекшись попыткой:

«Навѣвать челоуѣчеству сонъ»,

— Называетъ изыскано

Свой балахонъ

— Накидкой!

Звякни, стихъ, подобно олову!

Заори, какъ печенѣгъ!

— На студенческую голову

Выпаль снѣгъ!

· AMOR VINCIT OMNIA:

Таня—гордая инфанта,
Таня—лилія долины,
Жанна Д'Аркъ плюсь Юланта
И—немного Мессалины!
Таня—греза въ полной мѣрѣ,
Таня—Лина Кавальери,
Таня—служить на Садовой
Младшей горничной въ «столовой»...
Таня! Таня!...—Ради Тани
Ѣмъ я тамъ битки въ сметанѣ,
Клопсы, супы и бульоны,
Пирожки и макароны,
И рагу, и буженину,
И свинину... и—конину!..

Кто-же, кто отдасть мнѣ вновь:
И—потерянный разумъ
И—испорченный желудокъ?!
Вотъ она—Любовь!

МЕЧТЫ!.. МЕЧТЫ!..

Хорошо, чортъ возьми, быть Карнеджи,
Жить въ какомъ-нибудь, этакъ,—котэджъ
И торжественно, съ видомъ Сенеки,
До обѣда подписывать чеки!..

На обѣдъ: супъ куриный съ бифштексомъ,
Послѣ—чай (разумѣется, съ кэксомъ)
Въ крайнемъ случаѣ—можно и съ тортомъ,
Вообще,—наслаждаться комфортомъ:

— Что-бы всякіе, тамъ, негритосы
Набивали тебѣ папиросы,
А особые Джемсы и Куки
Ежедневно-бы чистили брюки!

Что-бы нѣкая мисстрисъ прилежно,
Разливала-бы кофе и нѣжно
Начинала глазами лукавить,
Потому что иначе—нельзя вѣдь!..

Чтобъ въ буфетѣ всегда было пиво,
Чтобъ его попивая лѣниво,
Позвонить Вандербильду:—«Алло, молъ,
Взялъ ли призъ вашъ караковый «Ромуль»?!».

...Въ пять часовъ, на своемъ «файф-о-клок'ѣ»
Спорить съ Гульдомъ о Ближнемъ Востокѣ
И, на тресты обрушившись рьяно,
Взять за лацканъ Пьерпона Моргана!

А, затѣмъ, въ настроеньи веселомъ,
Прокатиться по всѣмъ «Мюзик-хол'амъ»
И, въ компаниі съ лучшими дэнди,
Исключительно пить «шэрри-брэнди»..

...Если-жъ денегъ случайно не хватить
(Ну... Китай, что-ли, въ срокъ не уплатить...)
То вздыхать не придется тревожно:
— Призанять у Рокфеллера можно!..

...Хорошо, чортъ возьми, быть Карнеджи,
Жить въ какомъ-нибудь, этакъ, котэдждѣ
И, не сдавъ даже—Римскаго Права,
Наслаждаться и — влѣво и — вправо!

ЯНВАРЬСКІЯ РИӨМЫ. •

Мое пальто—предѣлъ мечтаній,
Мое пальто—вѣнецъ желаній,
И, отвѣчаю рубль за-сто,
Что никогда, никто,
Ну-ни за что
Не видѣлъ лучшаго пальто!
Его воспѣть не въ силахъ бардъ,
А оцѣнить—ломбардъ!..

Клянусь текущимъ январемъ
Нѣтъ даже пятнышка на немъ
Пальто моемъ!..
Что за покрой?! Что за сукно?!
Но
Не нравится мнѣ лишь одно:
Оно... оно...
Да... лѣтнее оно!

ФОРСЪ МАЖОРЪ.

Студентъ Поповъ
Весьма суровъ,
Не безъ причины, да.
Въ карманѣ—щелкъ!
Въ желудкѣ—волкъ!
Причины—хоть куда!..

— Увы, опять
Придется взять
Обычный форсъ-мажоръ!..
И вотъ, домой,
Письмо—лисой
Летить во весь опоръ!..

Отецъ читаль,
Отецъ вздыхаль
На цѣлый Стародубъ!
Не безъ причинъ:
Вставляетъ сынъ
Четырнадцатый зубъ!!!

МЕЛОДИЧНЫЯ ОЩУЩЕНІЯ.

За стѣной у нѣкой Бэлы
Дики, страстны, угорѣлы
Пляшуть звуки тарантелы...
Имъ внимаю я!..

И, въ pendant, вторыя сутки,
Кто-то весело на дудкѣ
Музицируетъ... въ желудкѣ
У меня!

НОВОСЕЛЬЕ.

Изъ окна своей мансарды,
Вешнимъ днямъ неся оброкъ,
Взоровъ пламенныхъ петарды
Я мечу наискосокъ...

Тамъ, налѣво, гдѣ крылечко,
Есть окошко... въ немъ—швея,
А у швейки той—сердечко,
А въ сердечкѣ этомъ—я!

— Фактъ! Не вѣрите—спросите!
Пятый день мы напролетъ
Доставляемъ Афродитѣ
Бездну всяческихъ хлопотъ!

.

Непріятно лишь, что въ этомъ
Самомъ лучшемъ изъ сердець
Быль, навѣрное,—атлетомъ
Переѣхавшій жилецъ.

ПЕРЕДЪ БЮСТОМЪ СОКРАТА.

— О, Сократъ, мужъ древне-греческій,
Имя чье повито дымкою
За стремленіе къ прекрасному,
Ну, скажи по человѣчески:
Что мнѣ дѣлать съ «недоимкою»,
Мнѣ—филологу несчастному?!

Я безпомощень—что курица,
Можетъ всякъ меня поджаривать!..
Лейтесь, слезы, по моимъ щекамъ!..
...Но Сократъ и не пожмурится!
— Какъ-же? Станетъ разговаривать
Онъ—со всякимъ «недоимщикомъ»!

«ВѢЧНАЯ СКАЗКА».

Мрачно горитъ огорченьемъ
Взоръ «недоимщика» Гущина
И голова, подъ давленьемъ,
Скорбно опущена...

А въ головѣ той, склоненной,
Мысль одинокая катится
Липко, тягуче и сонно,
— Какъ каракатица:

— «Надо... ахъ, надо... ахъ, надо
«Брюки... Экзамень... Молочницѣ...
«Надо... ахъ, надо... ахъ, надо
«Сразу двѣ трешницы!»...

...Медленно и кривобоко
«Вѣчная сказка» рождается:
— „Студ. универс. ищ. урока,
„Разст. не стѣсняется“..

«ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ».

(Какъ живетъ и работаетъ
„неуспѣвающій“ русскій студентъ).

Желтъ, какъ лучшій ремень,
По утрамъ, черезъ день,
Пренебрегши комфортомъ трамвая,
Онъ съ «Васильевки» претъ
Въ даль Измайловскихъ ротъ.
Къ земляку—въ скромномъ чаяннѣ чая!..

Знай, мелькаютъ мосты...
Взявъ рекордъ быстроты,
Входитъ въ комнату съ видомъ угрюмымъ...
— Ахъ, ты, съѣшь ты комаръ!..
На столѣ—самоваръ
И торжественный «ситный съ изюмомъ»...

...Но бываетъ и такъ,
Что collega-землякъ
Самъ идетъ этой торной тропею...
Станутъ, глянуть, вздохнуть
И уныло идутъ
«Уловлять человѣки»... съ деньгою..

А въ обѣденный часъ,
Надорвавъ гнѣвный басъ
Громомъ съ бурей по адресу міра,
Онъ беретъ на пятакъ
Пресловутый форшмакъ
И какъ можно побольше гарнира!..

— Эхъ, теперь бы да взять,
Да пойти почитать,
Вѣдь несданныхъ «зачетовъ» — корзина!..
Но домой не влечетъ:
Трудно сдать тотъ «зачетъ»
И безъ книги, и безъ керосина!..

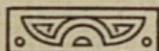
Надо, какъ ни верти,
Вновь въ «Публичку» итти:
Тамъ и книги, и свѣтъ — даровые!..
...И, прочтя сотню строкъ,
Къ «Покрову», на урокъ
Снова мчится... надежда Россіи!

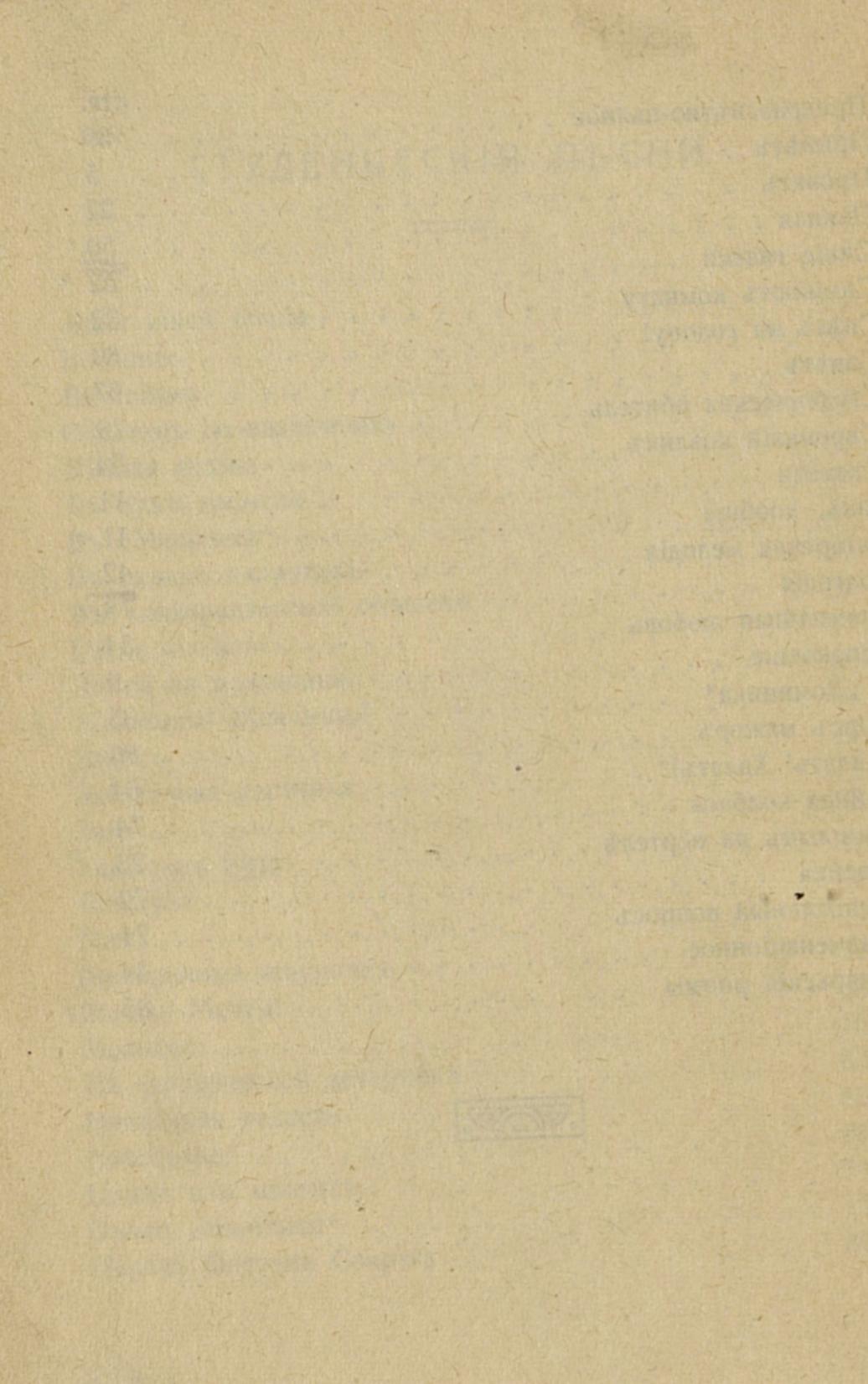
Оглавление.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ПЪСНИ.

	СТР.
Amor vincit omnia	82
Весеннее	68
Вечеринка	27
Вольтэръ по назначенію	19
Вѣчная сказка	90
Въ духѣ времени	58
Въ „Маринкѣ“	49
Въ окнахъ напротивъ	59
Въ университетской столовкѣ	37
Danse macabre	17
Домой на праздники!	56
Женщины! Женщины!	65
Завѣтъ	46
Загадочная картинка	12
Зато	53
Кассирша Рита	31
Коммуна	61
Май	29
Мелодичныя ощущенія	87
Мечты! Мечты!	83
Молодое	76
На студенческой вечеринкѣ	63
Нечаянная радость	55
Новоселье	88
Одинъ изъ многихъ	91
Около „Маринки“	15
Передъ бюстомъ Сократа	89

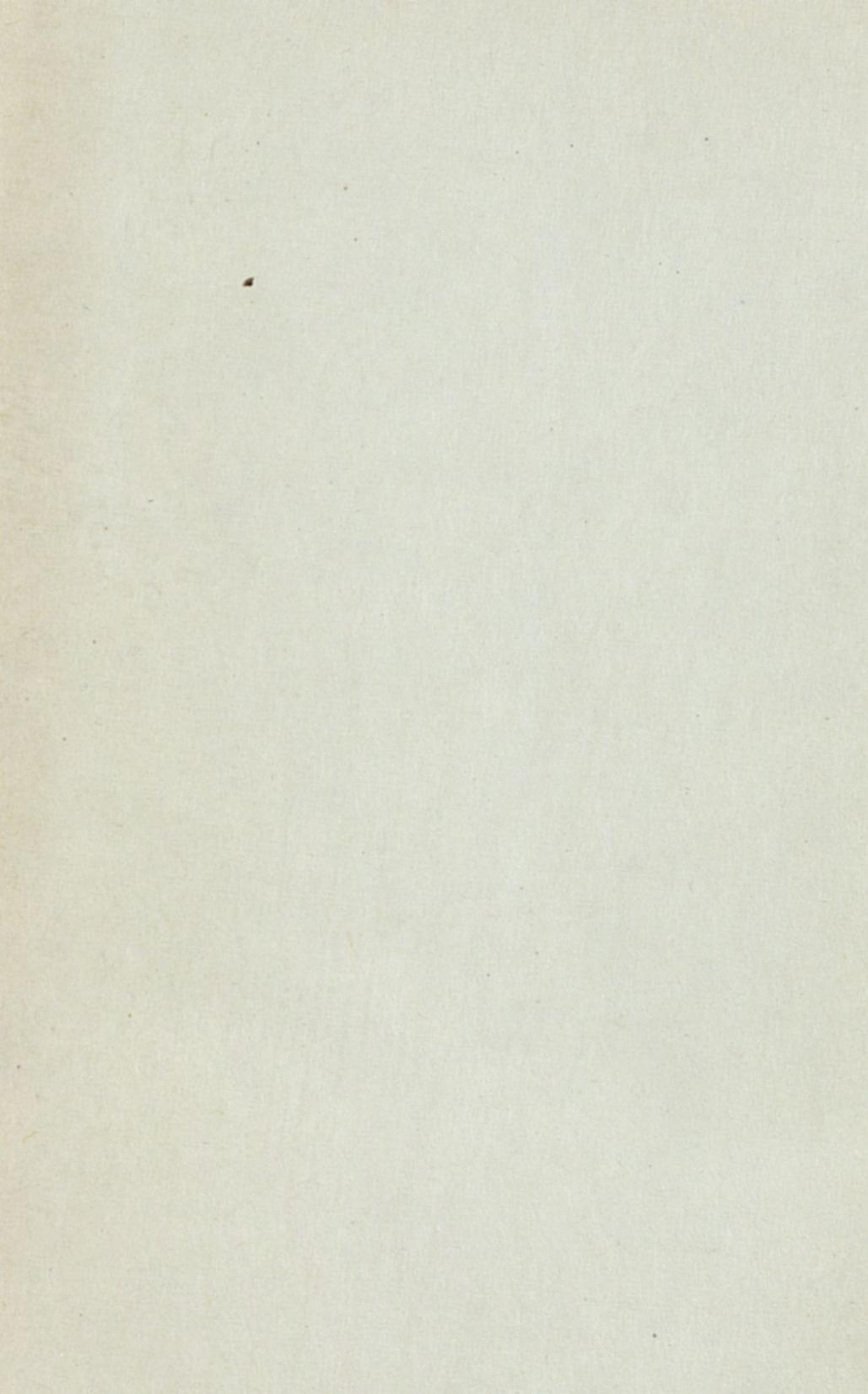
	СТР.
Предразсвѣтно-пьяное	39
Привѣтъ	5
Проектъ	22
Пьяная	<u>50</u>
Синіе глазки	52
Снимають комнату	32
Снѣгъ на голову!	80
Совѣтъ	67
Студенческая обитель	70
Сѣренькій козликъ	24
Сѣятели	11
Такъ, вообще	41
Татарская мелодія	42
Трагедія	<u>78</u>
Трамвайная любовь	34
Успокоеніе	9
У „Доминика“	35
Форсъ мажоръ	86
„Халать! Халать!“	64
Чайная колбаса	74
Шашлыкъ на вертелѣ	23
Швейка	72
Щекотливый вопросъ	21
Экзаменаціонное	44
Январскія риѣмы	85

Ц. 50 коп.

2007054048